

УДК 821.111

СПЕЦИФИКА ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ ПОВЕСТИ ДЖ.М. БАРРИ «ПИТЕР ПЭН»

Н.В. БОГДАНОВА

(Представлено: канд. филол. наук, доц. Е.А. ПАПАКУЛЬ)

В данной статье рассматриваются основные герои повести Дж.М.Барри «Питер Пэн», а также приведён краткий анализ образов и вариант их трактовки. Актуальность исследования обусловлена трудностями и вариативностью трактовок образов повести.

Повесть «Питер Пэн» обладает чертами английской литературной сказки. Об этом свидетельствует наличие нескольких уровней восприятия произведения: при прочтении детьми произведение воспринимается как захватывающая сказка, но при внимательном и вдумчивом чтении, данная повесть обретает смыслы, незаметные для детей.

Ключевые образы и события повести играют немаловажную роль не только в построении сюжета, однако они важны и для корректной интерпретации символов и смыслов, заложенных в тексте.

Один из важных образов в повести – фея. Слово «фея», как и его английский аналог *faery*, было заимствовано из старофранцузского «*faerie*» (совр. – *ferie, fee*), охватывавшего всё, что, так или иначе, касалось места жительства и деятельности групп мифологических «маленьких людей» (*faie*; позже – *fee*). Источником французского термина считается латинское слово *fata* (дух-хранитель; отсюда же – итальянское *fata*, испанское *hada*) [1].

Терминология, связанная с феями, претерпевала изменения и не отличалась последовательностью; так, в Англии первоначально преобладало представление об «эльфах», «феи» из французского фольклора пришли сюда позже [2, с. 340]. Кроме того, согласно «Оксфордскому словарю кельтской мифологии», «разговор о феях на английском языке крайне затруднён, потому что словом *faery* здесь переводят десятки более специфических терминов, обозначающих всевозможных существ того же рода из ирландской, шотландской гэльской, валлийской, корнуоллской и мэнской фольклорных традиций» [3, с. 23].

Первые сообщения о феях появились в средневековой Европе, а наибольшее распространение получили в Ирландии, Кронуолле, Уэльсе и Шотландии. Первые письменные пересказы историй о феях в фольклоре были сделаны Гиральдом Камбреном (*Giraldus Cambrensis*, 1146–1223). Однако такие записи – большая редкость: в основном легенды и истории передавались устно. При этом исследователями отмечалось поразительное сходство между описаниями фей и их характеристиками в кельтской, английской и континентальной фольклорных традициях [4, с. 401].

С течением времени «документальные» свидетельства людей, якобы общавшихся с феями, перемешались с легендами и литературными образами, как средневековыми, так и сравнительно современными. Усложнял дело тот факт, что под видом «фей» в фольклор проникли персонажи древней мифологии и саг.

В фольклоре, связанном с феями, значительное место занимают истории с похищениями [5, с. 336]. В народе считалось, что эта опасная для человека привычка имела отношение к «подчинённому» положению фей, которые вынуждены платить дань Дьяволу собственными детьми; чтобы спасти последних, они и крадут человеческих, оставляя взамен подкидышей [6, с. 23]. Последние, как считалось, имели внешнее сходство с похищенными детьми, но были бледнее, болезненнее и раздражённее. Иногда подкидыша удавалось обманом заставить признать своё происхождение, но существовал и более жестокий метод — пытка огнём, причём вера в её действенность сохранялась в некоторых сельских районах Великобритании вплоть до середины XIX века. «Нет сомнения в том, что некоторые дети получали смертельные ожоги, становясь жертвами исключительно собственного необычного темперамента», — отмечал Льюис Спенс [7, с. 211].

Опасности похищения подвергались и взрослые, особенно роженицы, у которых ещё не был священник. Согласно распространённому убеждению, в плену у фей можно было оказаться и всего лишь отведав угощения феи [10]. Относительно судьбы похищенных в сказаниях существуют разночтения: согласно одному представлению они в царстве фей живут счастливо, без болезней и страха смерти; согласно другому — чахнут от тоски по родным и близким [8, с. 937].

В повести Питера Пэна повсюду сопровождает именно фея.

«At first Mrs. Darling did not know, but after thinking back into her childhood she just remembered a Peter Pan who was said to live with the fairies. There were odd stories about him, as that when children died he went part of the way with them, so that they should not be frightened. She had believed in him at the time, but now that she was married and full of sense she quite doubted whether there was any such person». («Сначала мисис Дарлинг не разумела, але потым пачала ўспамінаць сваё дзяцінства і прыгадала Пітэра Пэна, што

жыў разам з феямі. Пра яго апавядалі незвычайныя гісторыі: калі дзеці паміраюць, ён быццам праходзіць з імі частку дарогі, каб ім не было страшна адным»). Образ Питера Пэна может быть прототипом Харона – персонажа из греческой мифологии, перевозчика душ умерших людей через реку Стикс (по другой версии через Ахерон) в Тартар (подземное царство мёртвых). За свои услуги Харон получал навлон (плату за морскую перевозку) размером в один обол (монета, по погребальному обряду находящаяся у усопших под языком). В повести Вэнди дала Питеру Пэну «напёрсток», что также может расцениваться, как плата за переправу.

Питер Пэн описывается Джеймсом Барри как мальчик, который всегда оставался одного и того же возраста: «– Besides, – she said to Wendy, – he would be grown up by this time». – «Oh no, he isn't tgrown up, – Wendy assured her confidently – and he is just my size» («– Да таго ж, – сказала яна Вэндзі, – ён даўно мусіў вырасці»). – Ды не, ён не расце, – упэўнена заявіла Вэндзі, – ён такі ж, як я»).

Также на вопрос Венди о том, где живет Питер, он отвечает, что живёт вместе с потерянными мальчиками:

«– If you don't live in Kensington Gardens now...

– Sometimes I do still.

– Bu twhere do you live mostly now?

– With the lost boys.

– Who are they?

– They are the children who fall out of their perambulators when the nurse is looking the other way. If they are not claimed in seven days they are sent far away to the Neverland to defray expenses. I'm captain».

(«– Значыць, ты больш не жывеш у Кенсінгтонскіх садах?

– Ну, часам пажываю.

– Але дзе ты часцей за ўсё жывеш?

– Разам са згубленымі хлопчыкамі.

– Што за яны?

– Гэта дзеці, якія выпалі з вазочкаў, пакуль нянька глядзела ў іншы бок. Калі на працягу сямі дзён іх ніхто не забірае, то, каб зменшыць выдаткі, іх адпраўляюць далёка у Неверляндыю. Я ў іх за капітана»).

Описание событий, из-за которых мальчики попадают в Неверленд, вкпе с описанием самого Питера Пэна может свидетельствовать о том, что главный герой повести, метафорически, – ребенок, погибший в результате аборта. Об этом также можно думать исходя из того, что лицо Питера Пэна по мнению миссис Дарлинг напоминало лица женщин, лишённых счастья материнства, а также в лицах некоторых матерей: («While she slept she had a dream. She dreamt that the Neverland had come too near and that a strange boy had broken through from it. He did not alarm her, for she thought she had seen him before in the faces of many women who have no children. Perhaps he is to be found in the faces of some mothers also» («Пакуль місіс Дарлінг спала, ёй прыснілася, што Неверляндыя падплыла блізка-блізка, і суды ўварваўся тамтэйшы дзіўны хлопчык. Але яна зусім не спалохалася, бо падумала, што колісь бачыла яго твар у тварах многіх бяздзетных жанчын. Магчыма, яго можна знайсці нават у тварах некаторых мам»).

Исходя из данного предположения, появляется необходимость задать вопрос о том, прототипом кого или чего является Капитан Крюк. Если учесть тот факт, что капитан и его команда – единственные представители взрослого мира в Неверленде, а также злейшие враги потерянных мальчиков, можно предположить, что Капитан Крюк и есть тот самый доктор, который занимается проведением подобных операций, что объясняет наличие крюка вместо кисти руки как метафоры медицинского инструмента: «In person he was cadaverous and blackavized, and his hair was dressed in long curls, which at a little distance looked like black candles, and gave a singularly threatening expression to his handsome countenance. His eyes were of the blue of the forget-me-not, and of a profound melancholy, save when he was plunging his hook into you, at which time two red spots appeared in them and lit them up horribly» («Гэты чалавек быў смуглявы ды выглядаў як мярцвяк, яго валасы распадался на доўгія пасмы, што зблізу нагадвалі чорныя кручанья свечкі і надавалі надзвычай пагрозлівы выраз ягонаму прыгожаму абліччу. У яго былі вельмі сумныя, блакітныя, як валашкі, вочы. І толькі калі ён наводзіў на цябе крук, яны загараліся злавесным агнём»).

Также символ крюка используется для описания пути, пройденного миссис и мистером Дарлинг по дороге на ужин в вечер исчезновения детей. Таким образом, подчёркивается особенное влияние данного образа на судьбу семьи, однако такой вариант описания пути появляется только в переводе: «No. 27 was only a few yards distant, but there had been a slight fall of snow, and Father and Mother Darling picked their way over it deftly not to soil their shoes» («Дом нумар 27 быў усяго за некалькі ярдаў, але прайшоў снег, і Дарлінгі вырашылі зрабіць невялікі крук, каб не пэчкаць абутку»).

Однако Капитан Крюк не изображается Джеймсом Барри как абсолютное зло, лишённое любых присущих человеку качеств: «The nest must have fallen into the water, but would the mother desert her eggs? No». There was a break in his voice, as if for a moment he recalled innocent days when – but he brushed away

this weakness with his hook» («Гняздо, відаць, упала ў ваду, але хіба мама пакінула сваіх дзяцей? Не». На гэтых словах голас капітана надламаўся, быццам на нейкі момант ён прыгадаў дні нявіннага маленства, але ён адкінуў гэтую слабінку сваім жалезным гакам»).

Также особенное место в повести отводится самому главному, едва ли не единственному страху Капитана Крюка – часам. На протяжении всей повести, Джек Крюк опасается быть съеденным крокодилом, которому Питер Пэн и скормил руку капитана, потерянную в схватке. Однако крокодил проглотил часы, которые помогают Капитану Крюку узнать о приближении опасности: каждый раз, когда враг подбегает близко, капитан слышит тиканье этих самых часов, что помогает ему вовремя избежать трагедии. Введение данного образа достаточно символично, учитывая контекст повести: «Smeed, – he said huskily, – that crocodile would have had me before this, but by a lucky chance it swallowed a clock which goes tick tick inside it, and so before it can reach me I hear the tick and bolt». He laughed, but in a hollow way. «– Some day, – said Smeed, – the clock will run down, and then he'll get you». Hook wetted his dry lips. «Ay, – he said, – that's the fear that haunts me» («– Смі, прахрыпеў ён, – гэтая Кракадзіліха ўжо даўно б мяне зжэрла, але, на шчасце, яна праглынула гадзіннік. Цяпер ён цікае ў ейным жываце, і перш чым яна падкрадзеца, я пачую тахканне і ціканне». Ён пасмяяўся, але неяк нервова. «– Рана ці познагадзіннік спыніцца, і яна да вас дабярэцца, – заўважыў Смі. «– Спыніцца – вось гэты страх мяне і не адпускае»).

Время в данном произведении играет особенную роль, оно ощущается на острове особенным образом. Пребывая в Неверленде, Венди, Майкл и Джордж забывают о времени, так как они постоянно заняты делом: «As time wore on did she think much about the beloved parents she had left behind her? This is a difficult question, because it is quite impossible to say how time does wear on in the Neverland, where it is calculated by moons and suns, and there are ever so many more of them than on the mainland» («Час мінаў. Ці часта Вэндзі ўспамінала любімых бацькоў, якія засталіся недзе там, далёка? Складанае пытанне, бо амаль немагчыма растлумачыць, як выглядае час у Неверляндзі. Яго вымяралі ў сонцах і месяцах, але яны чаргаваліся нашмат часцей, чым у нашым свеце»).

Таким образом, учитывая традиции английской литературной сказки, герои повести «Питер Пэн» могут трактоваться по-разному в зависимости от того, читает произведение ребёнок или взрослый.

ЛИТЕРАТУРА

1. Silver, C.B. Strange and Secret Peoples : Fairies and Victorian Consciousness / C.B. Silver. – Oxford University Press, 1999. – 47 p.
2. Briggs, K.M. An Encyclopedia of Fairies, Hobgoblins, Brownies, Boogies, and Other Supernatural Creatures / K.M. Briggs. – New York : Pantheon Books, 1976. – 353 p.
3. Peter Pan by J. M. Barrie [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.literatureproject.com/peterpan>. – Дата доступа : 06.05.2019.
4. Monaghan, P. The encyclopedia of Celtic mythology and folklore / P. Monaghan. – 2003. – 529 p.
5. Холл, Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве / пер. с англ. А. Майкапара / Дж. Холл. – М. : КРОН-ПРЕСС, 1996. – 656 с.
6. Левинтон, Г.А. Инцест / Г.А. Левинтон // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – Т.1. – С. 546.
7. Пропп, В.Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – М. : Лабиринт-К, 2007. – 332 с.
8. Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах / Под ред. С.А. Токарева. – М., 1988. – 1390 с.
9. Хмельницкая, Т. От научной фантастики к детской сказке // Звезда. – 1970. № 9. – С. 195 – 204.
10. J.M. Barrie & Peter Pan : From Fantasy to Dark Realities [Электронный ресурс] . – Режим доступа : <https://www.biography.com/news/peter-pan-jm-barrie-facts-biography>. – Дата доступа : 02.05.2019.
11. Пітэр Пэн / Джэймс Мэцью Барры ; пер. з англ. Уладзь Лянкевіч. – Мінск : Кнігазбор, 2017. – 192 с.